

© 1991 г., СЭ, № 5

Г. С. Маслова

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

(Жизнь и творчество

Наталии Ивановны Лебедевой)

Деятельность московских организаций, проводивших этнографические исследования в 1920-х — начале 1930-х годов, закономерно рассматривать в тесной связи с широким развитием краеведения в стране после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1920-х годах еще функционировало Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском государственном университете (впоследствии ОЛЕАЭ было слито с Московским обществом испытателей природы). В 1919 г. была создана Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) и ее московская секция.

Большое значение имела реорганизация Румянцевской галереи, или Дашковского этнографического музея, в Центральный музей народоведения (ЦМН), переименованный впоследствии в Музей народов СССР.

Этнографией занимались краеведческие общества, и особенно музеи. Сеть музеев расширялась; этнографический раздел в краеведческих музеях стал неотъемлемой частью экспозиции. В 1919 г. был организован Музей Центрально-Промышленной области (ЦПО), который вел исследования в 10 центральных губерниях России и был головным музеем для губернских и уездных музейных краеведческих центров. Позднее, с изменением административных границ музеев ЦПО был переименован в Московский областной музей.

Ведущие московские ученые-этнографы того времени, занимавшиеся восточными славянами (В. В. Богданов, Б. А. Куфтин, Н. И. Лебедева, несколько позднее — С. П. Толстов), были сторонниками исторического направления в этнографии. «Для успешного проведения исследования необходимо, — как писал В. В. Богданов, — отрешиться от тех приемов этнологического обследования, которые в нашей науке базируются на принципе эволюции форм и элементов человеческого быта. Этнографическая наука отдала дань этому эволюционному направлению. Необходимо этнологические исследования вести на принципе культурно-исторического, а не эволюционного обоснования всех процессов народного быта. При культурно-историческом понимании исследуемых явлений необходимо ценить три условия: 1) историческую датировку; 2) хронологическую последовательность одних форм после других; 3) территориальную и бытовую связь одних явлений с другими, как, например, сделано в работе Д. К. Зеленина¹, связь известных форм костюма с известными факторами говора»². Реликтовые районы сопоставлялись с геологическими отложениями, позволяющими выявить древнейшие и поздние наслоения³. Такими районами были: Рязанское и Калужское Полесье (первое исследовал Б. А. Куфтин, второе — Н. И. Лебедева)⁴. Книги о них, ставшие настольными для многих

Рис. 1. Н. И. Лебедева. 1907 г.

последующих поколений этнографов, были изданы по инициативе В. В. Богданова, бывшего в то время ученым секретарем этнографического отдела ОЛЕАЗ и директором Музея ЦПО.

Наталья Ивановна Лебедева (1894—1978) — один из видных деятелей восточнославянской этнографии — родилась в Рязани, в семье нотариуса⁵. Окончив Рязанскую гимназию с золотой медалью, она поступила на Высшие женские курсы (в Москве). В числе ее учителей были крупные историки того времени — М. М. Богословский, Д. Н. Егоров. Большое влияние на Н. И. Лебедеву оказала работа Д. Н. Егорова «О колонизации Мекленбурга в XIII в.»⁶, и она мечтала применить его метод к изучению Рязанщины.

По окончании (с отличием) историко-филологического отделения Второго Московского государственного университета (в который были реорганизованы Высшие женские курсы) она с 1918 по 1922 г. преподавала русский язык и историю в средней школе им. Крупской в Рязани, параллельно занимаясь исследовательской работой.

В Рязани были музей, Хранилище древностей, Ученая архивная комиссия, которая поручила Н. И. Лебедевой обработку археологического материала. Тщательно исследовав его, она составила археологическую карту Рязанской губернии. Затем ей предложили организовать в музее этнографическую экспозицию из имевшегося в нем бытового материала. И в одной из комнат музея Наталья Ивановна создала такую экспозицию. Проработала она в музее с 1919 по 1922 г., а затем была командирована рязанским Отделом народного образования в Москву, в университет, для специализации по археологии и этнографии.

Для формирования Н. И. Лебедевой как этнографа немалое значение имели детские впечатления. В одном из писем ко мне она вспоминала, что с 5 до 12 лет жила у бабушки в деревне, в 60 верстах от Рязани, где получила первые этнографические познания и «полюбила бедную русскую деревню», «и хотя в то время не занималась этнографией, все-таки накапливались наблюдения этнографического порядка» (10.VII.60).

В Москве связь с В. Н. Харузиной (прикованной болезнью к креслу, но с удовольствием принимавшей молодых этнографов и вдохновлявшей

Рис. 2. Группа московских этнографов. Середина 1920-х годов. В первом ряду слева — Б. А. Куфтин, справа — Н. И. Лебедева; во втором ряду в центре — Г. С. Маслова

Н. И. Лебедеву на собрание этнографического материала⁷⁾, а также работа с В. В. Богдановым — одним из близких сотрудников Д. Н. Анучина, сыгравшего основную роль в создании исторического направления в этнографии⁸⁾, имели немалое значение для Н. И. Лебедевой, становления ее как ученого. Надо заметить, что Н. И. Лебедева, Б. А. Куфтин, С. П. Толстов были одновременно этнографами, археологами и историками. Первые публикации Н. И. Лебедевой были археологического или исторического характера⁹⁾. Первой этнографической статьей ее является отчет об исследованиях, проведенных в 1923 г. в Сапожковском уезде Рязанской губернии¹⁰⁾. Н. И. Лебедевой хотелось провести систематическое исследование крупного района, и она рассматривала эту поездку как начало сплошного этнографического обследования Рязанской губ.

В Москве Н. И. Лебедева, став помощницей зав. отделом восточных славян (В. В. Богданова) ЦМН (с 1923 по 1932 г.), проделала огромную работу по реэкспозиции музея в новом здании — Нескучном дворце, где была развернута экспозиция по этнографии европейской части России (внеевропейская этнография помещалась на так называемой Ноевой, или Мамоновой, даче)¹¹⁾. Вместе с тем Н. И. Лебедева была тесно связана с Музеем ЦПО, для которого попутно собирала коллекции, с ОЛЕАЭ, издавшим ее книгу, с ГАИМК, где она была секретарем этнологической секции.

В 1920-е годы начались резкие изменения в жизни деревни, которые привели к тому, что традиционные формы быта стали быстро уходить в прошлое. Б. А. Куфтин писал, что особенно быстро исчезает народный костюм, и привел в качестве примера мордву Саратовской губернии, которая продает свои вышивки шерстью на подшивку валенок¹²⁾. Н. И. Лебедева, собиравшая в 1923—1924 гг. материалы по одежде в Рязанской губ., отмечала, что: «во многих деревнях за последние 5—6 лет произошли колоссальные сдвиги, старина с головокру-

жительной быстротой убегает от нас: „совестно носить старую одежду, но боязно бросить“, — говорят женщины средних лет, а молодежь щеголяет в городском платье»¹³. И тот полный набор костюмов, который представлен в книге о народной одежде Рязанщины, явился результатом тщательного, кропотливого исследования, «выуживания» старины по крупинкам среди разнообразного другого материала. В те годы собирание ушедшего материала считалось делом весьма важным и было связано с музейно-собираательной и экспозиционной работой.

Тогда же была разработана основная классификация построек, одежды, промысловой техники, которая в дальнейшем дополнялась. Каждая этнографическая работа, издававшаяся в 1920-е годы, содержала элементы систематики. Это просматривается и в трудах Н. И. Лебедевой.

Этнографический материал (в частности, данные о материальной культуре) стал привлекаться в качестве исторического источника для освещения этнической истории народа. Вопросы этногенеза в 1920-е годы стояли в центре внимания этнографов. Изучались ранее не известные в этнографическом отношении группы русских: мещера, полехи, тудовляне, теблешане, в Сибири — бухтарминцы, семейские, а также инонациональные группы и меньшинства, тесно связанные с восточными славянами.

В корне изменилась и методика фиксации этнографического материала. Если раньше (до революции) одежду характеризовали в значительной мере общими словами (указывая, главным образом, на материал), а жилище — чаще по общему архитектурному облику, то теперь предметом описания стали конструктивные особенности одежды, ее материал, украшения, обрядовые функции и т. д. Объектом подробного исследования становятся жилые и хозяйственные постройки (типы связи дома с двором, жилище как бытовой и обрядовый комплекс и т. д.). Составление чертежей, планов жилища, покроя одежды стало обязательным. Иллюстративный материал становится неотъемлемой частью исследований по материальной культуре. Именно эта методика применена в трудах Н. И. Лебедевой. В ранней работе «Материалы по народному костюму Рязанской губернии», в которую вошли (как уже упоминалось выше) данные, собранные в 1923—1924 гг.¹⁴, она применяет методологию и методику, получившие дальнейшее развитие в более поздних трудах этнографов. Здесь Н. И. Лебедева связывает костюм с историей заселения края и с социальной средой (однодворцы, казенные, помещичьи крестьяне), т. е. использует костюм как исторический источник.

Книга Н. И. Лебедевой «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки»¹⁵ посвящена исследованию территории центральных губерний европейской части Союза, населенных в прошлом по преимуществу разными этническими группами восточных славян, связанных с другими народами неславянского происхождения. На основе четких классифицирующих признаков исследовательница систематизировала одежду изучаемого региона и выявила те этнические компоненты, из которых сложился культурный облик его населения. Книга Н. И. Лебедевой в то время была новым словом в этнографии и положительно встречена критикой¹⁶.

Изучение костюма и построек в бассейне Верхнего Дона¹⁷ позволило Наталии Ивановне поставить вопрос о характере колонизации. Она высказала предположение о том, что некоторые архаические формы быта могли быть связаны с древней колонизацией с юга, а не с севера, что ставило вопрос о необходимости внесения поправки в вопрос о запустении степи.

Монография Н. И. Лебедевой, посвященная жилищу и хозяйственным постройкам Белорусской ССР¹⁸, по охвату материала и основательности анализа является ценным источником для исследования этнографии белорусов. Н. И. Лебедева ставила своей задачей изучить в каждом селе отдельные элементы построек, их изменчивость с датировкой во времени и территориальной пространственностью; объединить элементы в комплексе, а также исследовать те

социальные и экономические причины или бытовые требования, которыми были вызваны те или другие изменения.

Увязка этнографических явлений с историей и археологией, исследование данных топонимики, сведений по истории каждого села (особенно вопроса о времени его возникновения) характерны для работ Н. И. Лебедевой. Комплексность исследования выражалась и в том, что изучалась не одна, а несколько сторон быта. Так, например, книга «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки» — лишь первая изданная часть проведенных исследований. Кроме костюма, прядения и ткачества она изучала и многие другие элементы культуры, но эти материалы остались неопубликованными. Связь с археологией и историей проявлялась в том, что Н. И. Лебедева обращала особое внимание на пережитки, помогавшие выявить древние, уже исчезающие из быта пласты в культуре народа. Важным моментом в методологии было определение границ распространения того или иного исследуемого явления. Это особенно важно, так как подводило к мысли о создании этнографического атласа, что было реализовано много позднее.

Основными регионами исследования Н. И. Лебедевой были южнорусские губернии и Белоруссия. Из поездок в северный район в 20-е годы нужно указать на экспедицию в Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области в 1928—1929 гг., во время которой Н. И. Лебедева прошла по р. Ловати от Новгорода до Старой Руссы. Отчет об этой поездке хранится в Государственном литературном музее¹⁹.

В своих маршрутных экспедициях Н. И. Лебедева охватывала большие территории, а стационарное изучение проводила в отдельных селениях. Начинала она со сбора сведений о соседних селах на базарах, у местной интеллигенции, у сельских жителей, позднее — на колхозных собраниях, а затем переходила к стационарному изучению отдельных характерных пунктов или «гнезд» селений. Наталия Ивановна отличалась большой целенаправленностью в работе, увлеченностью и неутомимостью. За два летних сезона 1925 и 1926 гг. она обследовала более 100 населенных пунктов. Основной способ передвижения был пеший, что она называла «бродить». В своих письмах к автору этих строк она писала: «скучая по бродяжничеству» (16.VII.70), «рада за Вас, что Вы имеете возможность бродить» (15.VII.59), а в письме, отправленном мне в Чикой Бурятской АССР, подписалась «старый бродяга» (22.VII.59). Этот термин сохранился у Н. И. Лебедевой и позднее, когда экспедиции совершались на автомашинах.

Успешно начатая научная работа Наталии Ивановны была прервана в 1933 г., когда она была неожиданно арестована и выслана в Тюмень. Там она тяжело заболела и была переведена в больницу в Пермь. Мать ее, Лидия Михайловна Лебедева, хлопотала для дочери отмену высылки, и они поселились в Рязани. К занятиям этнографией Наталия Ивановна возвратилась только в 40-е годы.

Послевоенный период знаменуется широким развитием этнографической науки. Важнейшим событием стала организация в 1942 г. академического этнографического центра в Москве — Московской группы Института этнографии Академии наук СССР. Организатором ее и директором Института стал крупный ученый-этнограф С. П. Толстов²⁰.

Институт этнографии пригласил Н. И. Лебедеву на работу. Она приняла участие в подготовке «Востонославянского этнографического сборника», в котором поместила свое исследование о прядении и ткачестве восточных славян²¹. Еще в 1927 г. Н. И. Лебедева впервые обобщила собранный ею материал по прядению и ткачеству²². Теперь эта тема была разработана в более широком плане (с охватом всех восточных славян). До сих пор эта работа остается единственным обобщением данных о прядении и ткачестве восточных славян. В книге дается исчерпывающая классификация способов и орудий прядения и ткачества, приводится обильный терминологический материал.

Впервые в книге прослежено географическое распространение орудий и спо-

собов прядения и ткачества на территории расселения восточных славян. Как пишет автор во введении, данные о прядении и ткачестве вместе с изучением других сторон материальной культуры «могут содействовать решению сложных вопросов этногенеза восточных славян»²³.

Прекрасное знание археологического материала позволило Н. И. Лебедевой определить время возникновения и бытования тех или иных явлений. В частности, наличие поневы она относит уже к XII—XIII вв. Выводы ее подтвердились археологическими данными, опубликованными позднее в сборнике Исторического музея²⁴. Н. И. Лебедева с восторгом встретила эту книгу и рецензировала ее.

В начале 1950-х годов по инициативе С. П. Толстова в план Института этнографии была включена работа по созданию историко-этнографических атласов, в том числе атласа по материальной культуре русского народа²⁵. Пришло время для обобщения этнографических материалов, собранных как до революции, так и в 1920—1930-е годы и позднее, оставшихся частично не опубликованными. Встал вопрос о привлечении Н. И. Лебедевой к работе в качестве одного из авторов раздела «Народная одежда». Сохранилось письмо В. И. Чичерова от 24.01.1951 г., в то время заведующего восточнославянским сектором Института этнографии, к Н. И. Лебедевой: «Многоуважаемая Наталия Ивановна! Как Вы знаете, на 1951—55 гг. запланирована тема: Этнографический атлас „Русский народ“. В прошлую субботу на заседании дирекции я докладывал план работы с указанием этнографов, которых следовало бы привлечь к подготовке атласа. Разумеется, среди этнографов была названа Н. И. Лебедева. Ваша кандидатура была принята безоговорочно и единогласно. М. Г. Левин заявил, что он сумеет оформить заключение договора с Вами. Прошу Вас дать согласие на работу по атласу (не только в форме учета рязанского архива, но и в других формах: участие в теоретических разработках, разработка отдельных тем и проч.). Бригадиром по „одежде“ является Г. С. Маслова. Она говорит, что сможет поднять этот раздел только при условии совместной работы с Вами».

В ответ на письмо В. И. Чичерова Н. И. Лебедева сообщила: «Вчера получила Ваше письмо. На работу по атласу „Русский народ“ я охотно соглашаюсь. Работа эта интересует меня, и материала у меня очень много».

23.X.55 г. Н. И. Лебедева писала мне: «Посылаю Вам свой „труд“ (которым недовольна). Его нужно будет значительно дополнить материалами карт. Ведь карты — неисчерпаемое море. Чем больше будем над ними работать, тем все больше и больше <они> будут давать. Но <то>, что есть, я думаю, как попытка сводки может кое-чем помочь».

В связи с необходимостью заполнить «белые пятна» на картах был организован ряд экспедиционных выездов для собирания материала к атласу. Н. И. Лебедева приняла участие в работе Западного отряда (нач. О. А. Ганцкая) комплексной этнографической экспедиции Института этнографии в 1953 г., посетившего Смоленскую и Великолукскую области и часть Прибалтийской территории²⁶. В следующем, 1954 г., Н. И. Лебедева в составе южнорусского отряда той же экспедиции побывала в Орловской, Липецкой, Курской, Белгородской областях.

Ее живые впечатления, радость снова очутиться «в поле» отражает письмо ко мне от 22.VI.53 г., написанное с большим юмором: «Широколямошник (сарафан) из д. Чертеж Пустошинского р. Великолукской обл. шлет Вам привет. Просит любить и жаловать и определить ему место, м. б. прадеда косошлинного сарафана (ну, это Ваше дело). А он живет и здравствует в погребальной одежде старообрядцев. Жаль, что шит из ситца, а раньше были холщевые. Шлю его чертеж. Я сегодня ему очень обрадовалась, чуть даже не потеряла сумку с документами, увлеклась его чертежом и оставила сумку среди двора. ...Жаль, что не забираемся в болота. Я мечтала убежать в глухой район за 50 км. Но меня обещали посадить на цепь. Что же делать, приходится подчиняться. Хорошо, что были в Духовщине. Она вся оказалась со старыми белорусскими основами: лапти-коверзни, черные оборы, и 2-м белорусским слоем —

андарачным. План хаты белорусско-украинский. Русское население позднейшее, и терминология вся белорусская. Только древние южно-великорусские пушки (их западная граница продвинута). В тех местах Великолуцкой обл., где мы были, есть слой, общий с белорусами: белорусско-украинский тип жилища, терминология, но есть и еще древний подслой в топонимике. Начиная с Невеля везде коромысло носят на двух плечах, как белорусы... По рыболовству — кое-что собрано, но оно общее с Ильменем и Псковом».

Н. И. Лебедеву очень беспокоил вопрос о том, не выпадают ли глухие районы, лежащие вне дороги при маршрутных экспедициях на автомашинах, из поля зрения этнографов. «Конечно, для нанесения на карту у нас большой материал, — писала она мне 31.VIII.1953, — проясняющий понимание и территории, и культуры отдельных групп населения, но у меня нет уверенности в том, не выпали ли у нас микрорайоны. При обследовании такими большими „мазками“, если можно так выразиться, является опасность превратить этнографические исследования в тип археологической рекогносцировки».

Получив изданный атлас, она написала мне: «Со мной что-то случилось, когда я получила „детище“. Вся мысль сосредоточена вокруг него. Когда в декабре Вы сообщили о его выходе, я как-то приняла это спокойно... Ну, была работа и все... а теперь прямо из колен выбилась... Вспоминаются все этапы создания Атласа. Первые собирания материалов. Наши „беганья“ по деревням и едва ошутимые намеки и чувства, для чего это все собирается. Мы „одержимые“ с жадной охотой осмыслить собиравшуюся материальную культуру русской деревни дореволюционного периода, носились „не евши, ни пимши...“ (14.III.68 г.).

В письмах Н. И. Лебедева касается разнообразных научных проблем, которые можно сгруппировать следующим образом: о русских этнографических группах, о белорусах, об этнографии Прибалтики, о материальной культуре Сибири, о русском народном костюме, об этнографии Рязанской обл., о музейной работе.

Н. И. Лебедева особое внимание уделяла этнографии белорусов, высказывая несогласие с оценкой белорусской культуры как единообразной. Много занимаясь белорусами, она предполагала когда-нибудь написать о них монографию, для которой подбирала материал. Она мне писала, что в этнографии белорусского народа, как ей всегда казалось, легко вскрыть старые слои и компоненты и общие слои. «У Молчановой²⁷ собран огромный материал о локальных (этнографических) особенностях белорусского народа. По сельскохозяйственным орудиям выделяются районы: с русской сохой (Могилевщина, Витебщина, Смоленщина), с белорусской сошкой (Минщина, Мозырщина), с германским плугом (правобережье Припяти, западная часть Белоруссии). По одежде: с синей клетчатой поневою-плахтой (Смоленщина), с плахтой (Могилевщина, Северная Черниговщина), с запасками (правый и левый берег Припяти), с белыми холщевыми фартуками (Минщина). По постройкам: план жилища один общий (белорусско-украинский), но большое разнообразие в других строениях. Например, целая улица, состоящая из одних отдельно поставленных дворов (Могилевщина, Туровщина); временные строения — конические шалаши и юртообразные строения (по Припяти); районы с банями и без бань. Разнообразие „воссетей“* (сушилен для хлеба, льна, конопли). Восьмигранные гумна. Гумна на „лисичках“, гумна на „сохах с пелёдами“ и т. д.». Н. И. Лебедева показала локальные этнографические различия в материальной культуре белорусов, отражающие пути формирования той значительной общности, которая сложилась в их культуре. Позднее поднятый Н. И. Лебедевой вопрос о районировании белорусской культуры нашел отражение в трудах этнографов Белоруссии²⁸.

В 1959 г. по приглашению Института этнографии АН СССР Н. И. Лебедева

* Бел. *асець* или *восець* (ред.).

приняла участие в Прибалтийской комплексной экспедиции. Она писала мне из экспедиции 20.IX.59 г.: «Дорогая Гали Семеновна. После десятидневного шатания по колхозам мы опять в Краславе (районный центр). Молодежь в восторге. Шумят, кричат, поют. Я не особенно люблю пребывание в районах, глухая деревня куда милей. Вас интересует, как идет работа. В общем удовлетворительно, принимая <во внимание> трудные условия здешней работы: хутора». В письме от 5.X.59 г.— «Дорогая Гали Семеновна. Бродим, бродим, бродим... Пока ничего, жива и здорова. С Краславским районом кончили. Сногшибательного нового особенно ничего нет, но некоторые детали интересны. Фигурирует гуня, гунька (в смысле одеяло, клок, тряпье), у белорусов и латышей кое-что общего и по пище, например, „гуща“ (у старообрядцев и латышей). Большая общность древняя и современная, но есть и специфика, например, каравай только у белорусов на свадьбе. Были бы сохранившимися деревни, многие вопросы могли быть поставлены и разрешены, но благодаря мешанине при расселении на хутора многие детали исчезли».

Вернувшись из Литвы, Наталия Ивановна сообщала: «Поездкой в Литву довольна... Я довольна тем, что собрала порядочный материал по ткачеству... Совсем ясно вырисовывается древнее ядро — Псков, Новгород — Прибалтика, ядро времен установления хлебопашества (лапа, драчек — орудия, связанные с уборкой растений). Вот какое дело! А на рыболовных снастях — узел чудской, а не русский, насколько удалось заметить по готовым орудиям. Рубашка туникообразная, как старая форма бесспорна. Передники с долевыми полосами или поперечными безусловно предшествовали юбкам. Они интересные. Есть холщевые с браным подолом и т. д.» (15.XII.61).

Известное место в исследованиях Н. И. Лебедевой заняла Сибирь. В 1957 г. она работала в составе 1-го Ангарского отряда (начальник Г. С. Маслова) комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР и проехала от Иркутска до Братска. В задачи экспедиции входило изучение материальной культуры селений, подлежащих перенесению из мест затопления в связи со строительством Братской ГЭС. Н. И. Лебедева исследовала земледелие и промыслы²⁹. Она подчеркивала необходимость при изучении этнографии русских Сибири учитывать древнюю новгородскую и московскую колонизацию XVI—XVII вв. и места выхода переселенцев в XVIII—XIX вв. Это важно, по ее мнению, для датировки тех или иных элементов культуры. Тема «восточнославянская народная одежда», как и «ткачество», была ей особенно близка.

По поводу особенностей костюма старообрядцев разных регионов она написала мне в Чикой: «Дорогая Гали Семеновна. Все время слежу по карте, судя по пунктам, куда Вам писать, и прохожу с Вами Ваш маршрут. Судя по названиям пунктов, все старые основы — бурятские. Мне после Вашего письма явилась мысль, почему у старообрядцев и южных великоруссов древние формы одежды — косоклиный сарафан. Ведь это и в Калужской, и в Рязанской, и в Орловской областях, где они живут среди самого поневного комплекса. Не является ли наличие у них сарафана доказательством, что в свое время это была наиболее сильная культурная группа, бросившая языческий поневный комплекс. Как у Вас обстоит дело с духовной культурой? У меня было впечатление, где бы я с ними <старообрядцами> не сталкивалась, что все дохристианские обычаи у них гораздо слабее выражены, чем у соседних не старообрядческих селений. Так ли у семейских? ...» (12.VIII.59).

Н. И. Лебедева занималась также вопросом о происхождении женского костюмного комплекса с полосатой юбкой на Севере. Юбка (с лифом или без него) из характерной полосатой ткани связана с определенной этнической и социальной средой. В XIX — начале XX в. костюмный комплекс с такой юбкой был особенно характерен для белорусов. Он бытовал также у русского населения, по своей культуре близкого к белорусам, испытавшего на себе влияние польско-литовских культурных традиций (Смоленская губ. и прилегающие к ней территории), и у потомков служилого населения, селившегося в XVI—XVII вв.

на засечных линиях, созданных для защиты южных границ русского государства. Каково же происхождение этого комплекса на Севере? Н. И. Лебедева решительно не соглашалась с теми авторами, которые считали, что он восходит к дославянской культуре, доказывая его сравнительно позднее происхождение не только у русских, но и у белорусов, где он «наслаивается» на более древнюю основу — одежду типа запаски, поневы, плахты.

Н. И. Лебедева писала мне: «Дославянское население не знало набедренной одежды, кроме пояса у мордвы-эрзи — пулагая. Ширина полотнища ткани для юбки (70—80 см) говорит о сравнительно позднем ее изготовлении (обычная ширина крестьянской ткани — 37—38 см). Наличие юбок на гашнике (как на Севере), вероятно, свидетельствует об их былом старом виде, сравнительно со временем распространения этих юбок у южных великоруссов (переселенцев на 2-ю засечную черту в XVI в.)». И далее: «Нужно посмотреть историю Сухоны — Ваги: могла ли московская колонизация нести население из западных областей. Ведь они до самого Смоленска были в составе Литовско-Польского государства. Строительство монастырей на Севере тоже преследовало оборонительные цели. Не были ли поселенцы служилыми людьми. Что за группы крестьян, носивших эти юбки?» (24.IV.67). Здесь Н. И. Лебедева, видимо, права. В XVII в. московское правительство раздавало черные земли на Севере служилым людям, поселяя их сотнями.

Начиная с 20-х годов, Н. И. Лебедева исследовала Рязанскую обл. и хорошо знала этнографические особенности каждого селения³⁰. Изучение ее истории, материальной культуры (от заселений и построек до музыкальных инструментов) дало ей основание делать этногенетические выводы.

Формирование русского населения области было сложным. Считая основным древним славянским населением Рязанщины вятичей (в шутку она называла Рязань «столицей вятичей»), Н. И. Лебедева выделяла в его культуре элементы, восходящие к другим этническим компонентам. Такой элемент, как простейшая нагрудная туникообразная одежда из холста, характерная для севера Рязанщины (а также для Смоленщины и западной части Калужской обл.), по мнению Н. И. Лебедевой, восходил к кривичской культуре. Некоторые особенности в одежде, например, клетчатую черную поневу в сочетании с черным нагрудником и плащевидной одеждой — *кодманом* — она связывала с движением славянского населения с юга — из бассейна Дона.

Древнейшим населением края были финно-угорские племена, что подтверждается не только археологическими, но и этнографическими материалами. Так, в этнографии *куршаков* — жителей семи селений по р. Курше — отмечены черные *повилы* (обертки для ног) с красными шерстяными оборами, характерные для тянгушевской мордвы³¹, а также известные в костюме с. Мелихово Касимовского р-на и в с. Ушинка Пензенской обл. раковины-каури (в украшениях) и женский пояс со свисающими сзади кистями шерсти, напоминающий мордовский *пулагай*. Лапти мордовского типа были распространены в восточной части Рязанщины, до р. Ранова на западе.

На Курше выявляются еще и литовские элементы в культуре: орнамент фартуков (на отдельных участках ткани браный шерстью); соха, в своих пропорциях близкая к литовским вариантам. В связи с этим Н. И. Лебедева упоминает статью В. В. Седова, в которой он по положению костяков в рязанских финских могильниках выявляет две группы: финно-угорскую и связанную с Прибалтикой, считая, что группы пленных литовцев попадали на Рязанскую землю³² (24.IV.67). Интересен в этом плане этноним *литва* и записанное на Курше Н. И. Лебедевой предание о борьбе литвы с мордвою и победе литвы (9.VIII.62).

Мещера, по мнению Н. И. Лебедевой, по-видимому, финно-угорская группа, обрусевшая к XIII в.³³ В связи с этим она высказалась отрицательно об основном выводе книги Куфтина³⁴: «Куфтин разработал данные о рубахе, поневе и сарафане — элементах славянских, но работа его осталась незаконченной, а если бы он коснулся обуви и головных уборов, то, вероятно, и выводы его были бы другие» (5.IX.62).

Весьма ценны замечания Н. И. Лебедевой о необходимости изучения составных частей этноса, которые она высказала по поводу моей статьи «Историко-культурные связи русских и украинцев по данным одежды»³⁵. «Игнорируете,— писала она,— что некоторые общие элементы не общи всем русским и всем украинцам. Необходимо было поднять вопрос о составных частях и сложности каждой нации. А то выходит *a la Volkov*»³⁶.

Большое внимание уделяла Наталия Ивановна изучению двухосновных тканей севера Рязанской обл. (Мещерского края). Наиболее сложная по технике ткань и в художественном отношении понева из с. Парахино Касимовского р-на³⁷, состоявшая из двух тканей: шерстяной на лицевой стороне и холщевой на изнанке. Ткани взаимно проникают друг в друга — холщевый узор (белый) выступает на лицевой стороне из красных и синих ниток, а шерстяной — на холщевой подкладке. Ткали их на четырех подножках при помощи бральниц. В связи с этой техникой Н. И. Лебедева очень интересовалась работами польского ученого Адама Нахлика, который исследовал двухосновные ткани, найденные в Польше, и находки образцов таких тканей, обнаруженных при раскопках в Новгороде³⁸. По археологическим материалам А. Нахлик реконструировал ткани XI—XIII вв., близкие к ткани парахинской поны. «Адам Нахлик ищет связи мазовских и белостоцких ковров с русской территорией, с поздними колонизационными потоками и влияниями и приходит к отрицательному выводу. В то же время это открывает другие горизонты. Это древнеславянская общность. Может быть, идущая от лужицких славян со славянами днепровскими» (7.II.62).

Деятельность Н. И. Лебедевой всегда была тесно связана с музеями. В 1950—1970-е годы в экспедициях она собирала материал для местных, рязанских, и центральных музеев (Государственного Русского музея, Государственного музея этнографии народов СССР и др.). В Рязанском музее (с 1968 г. Рязанский историко-архитектурный музей) при непосредственном ее участии была создана экспозиция (одежда, вышивка, ткачество и др.), отразившая «рязанский дух» — особенности быта и искусства Рязанской обл.

Мечтой Наталии Ивановны было создание в Рязани музея под открытым небом. Мечта эта только теперь близка к осуществлению. В своих поездках, занимаясь изучением построек, Н. И. Лебедева намечала объекты для перенесения в Рязань.

Все события этнографической жизни живо интересовали Наталию Ивановну. Она высоко ценила работы С. А. Токарева, а по поводу издания его книги, посвященной этнографии народов СССР³⁹, написала мне: «Поздравьте этнографов с выходом учебника Токарева С. А. Очень прошу Вас прислать мне. Событие для этнографии большое — учебника до сих пор не было» (31.V.58).

Для Н. И. Лебедевой были характерны увлеченность этнографической работой, любовь к науке, отдача своих знаний всем тем, кто спрашивал ее совета. При всех своих огромных знаниях она отличалась большой скромностью и очень не любила, когда о ней писали в газете. Живя на зарплату работника Архива Рязанского горисполкома, а затем на пенсию, она писала мне, что «живет роскошно». Наталия Ивановна отличалась мягкостью и добротой; всегда у нее под опекой было несколько больных из числа знакомых. Но она могла быть очень суровой и требовательной, особенно если дело шло о науке, если кто-то в экспедиции проявлял недисциплинированность. Если она видела какие-нибудь неполадки, в частности в организации хранения коллекций в краеведческом музее, — огорчалась и даже заболела. «Со стороны смешно, а нам с Вами больно», — писала она мне (26.VI.68).

Н. И. Лебедева часто бывала инициатором различных общественных начинаний. Будучи активным членом ВООПИКА, она принимала участие в его экспедициях по охране памятников.

За консультациями к ней обращались многие художники Рязани, создававшие произведения, в которых надо было отразить особенности культуры Рязанщины.

Рис. 3. Н. И. Лебедева. 1973 г.

Огромная консультативная и методическая работа Наталии Ивановны в ВООПИКе и в Рязанском музее содействовала развитию Рязани как этнографического центра. Н. И. Лебедева была душой всей этнографической работы, проводившейся в Рязани, организуя экспедиции, выработывая программы, составляя маршруты поездок.

Н. И. Лебедева очень любила Рязань и гордилась ее успехами в хозяйственной и культурной области. Будучи одним из тех исследователей, которые содействовали превращению этнографии из науки описательной в науку анализирующую и обобщающую, основную задачу своих исследований она видела в использовании этнографического материала в качестве источника для этнической истории народов.

Неутомимый полевик, Н. И. Лебедева собрала огромный научный материал, и как музейный работник содействовала его популяризации. Большое научное наследие Н. И. Лебедевой кроме изданных трудов включает рукописные материалы, хранящиеся в разных архивах, и многочисленные вещевые экспонаты, собранные для музеев.

Роль Н. И. Лебедевой особенно велика в исследовании восточнославянской материальной культуры, которая изучалась ею в связи с культурой духовной. И когда в 1940—1960-е годы на первый план вышло изучение современности, она охотно приняла в нем участие, рассматривая современность как комплекс, в котором традиционные элементы вытесняются новыми или же в трансформированном виде входят в современный быт.

Примечания

¹ Имеется в виду книга Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации». СПб., 1913.

² Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. Первое этнологическое совещание

по Центрально-Промышленной области, при Музее ЦПО. 29—30 марта 1926 г. / Под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова. М., 1927. С. 9.

³ Там же. С. 37—38.

⁴ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. Ч. I. Женская одежда: рубаха, понева и сарафан. М., 1926; Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 гг. Ч. I. Народный костюм, прядение и ткачество). М., 1927.

⁵ К сожалению, мы располагаем скудными сведениями о ее жизни. Источниками данной работы для периода 1920-х — начала 1930-х годов послужили воспоминания автора и других исследователей, а также труды Н. И. Лебедевой; для характеристики остального периода — письма Н. И. Лебедевой из Рязани в Москву к автору данной работы (1949—1977 гг.), а также письма к М. Н. Морозовой.

⁶ Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1—2. М., 1915.

⁷ Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929. С. 4.

⁸ Толстов С. П. Дмитрий Николаевич Анучин — этнограф // Памяти Д. Н. Анучина. Тр. Ин-та этнографии. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. I. М.; Л., 1947. С. 20—21; *его же*. Советская школа в этнографии // Сов. этнография (далее — СЭ). 1947. С. 20.

⁹ См., например, Лебедева Н. И. Городец у деревни Новоселки Рязанского уезда // Вестник рязанских краеведов (далее — ВРК). Касимов, 1924. С. 13—15.

¹⁰ Лебедева Н. И. Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде летом 1923 // ВРК. Касимов, 1924. С. 5—8.

¹¹ Воробьевское шоссе, 2.

¹² Куфтин Б. А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения // Вопросы краеведения. Нижний Новгород, 1923.

¹³ Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. С. 4.

¹⁴ *Ее же*. Подробный отчет об исследовании южных уездов Рязанской губернии // ВРК. 1929. № 3.

¹⁵ Основные выводы этой работы были изложены в виде доклада на этнографическом совещании: Лебедева Н. И. Этнологическое изучение Калужского Полесья как этнографического района // Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. М., 1927.

¹⁶ Гринкова Н. // Этнография. 1928. № 1. С. 144—145.

¹⁷ См. подробнее: Лебедева Н. И. Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. (Этнологические исследования и материалы). 2-е совещание этнологов ЦПО. 7—10 декабря. М., 1929. С. 109—113.

¹⁸ Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам. Материалы экспедиции 1927 г. М., 1929.

¹⁹ Лебедева Н. И. Этнографические материалы по Новгородскому, Псковскому и Великолукскому округам в 1928—1929 гг. // Архив Гос. литературного музея (ГЛМ).

²⁰ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // СЭ. 1975. № 4.

²¹ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. // ТИЭ. Т. XXXI. М., 1956. С. 461—532.

²² Лебедева Н. И. Систематика прядения и ткачества на территории Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. С. 46—54; *ее же*. Очередные вопросы изучения прядения и ткачества. М., 1929.

²³ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян. С. 461.

²⁴ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. Гос. Исторического музея. Вып. 3. М., 1959.

²⁵ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М., 1967.

²⁶ См.: Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н. Материальная культура русского сельского населения Западных областей (во второй половине XIX и в начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. (ТИЭ. Т. LVII. М., 1960. С. 5—8. Н. И. Лебедевой написаны разделы: «Введение» и «Одежда»).

²⁷ Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1972.

²⁸ Народная сельская гаспадарчая тэхніка беларусаў. Минск, 1974; Беларускаяе народнае адзенне. Минск, 1975; Беларускаяе народнае жыллё. Минск, 1976; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX — начало XX в. Минск, 1983.

²⁹ Лебедева Н. И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I. Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 78—95.

³⁰ Лебедева Н. И. Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции // Краеведч. записки. Рязань, 1959.

³¹ Группа шокшинской мордвы-эрзи в Тяньгушевском р-не Мордовской АССР.

³² Седов В. В. Рязанско-Оские могильники // Сов. археология. 1966. № 4. С. 86—104. См. также: Ванюшечкин М. Т. К истории рязанской мещеры и о поселении на р. Курше // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. 1961. Т. XXVI. С. 88.

³³ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян. С. 537.

- ³⁴ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. С. 11.
³⁵ Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным одежды / СЭ. 1954. № 2. С. 42—59.
³⁶ Имеется в виду работа: Волков Ф. К. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг., 1916.
³⁷ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. Табл. III.
³⁸ Nachlik A. // Polska sztuka ludowa. 1961. № 3. S. 132—191; Нахлик А. Ткани новгородские. Жилище древнего Новгорода // Тр. новгородской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1963. С. 228—313.
³⁹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

© 1991 г., СЭ, № 5

Р. Ш. Джарылгасинова

**Н. И. КОНРАД — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЭТНОГРАФИИ КОРЕИ
(К 100-летию со дня рождения ученого)**

Творческая деятельность акад. Н. И. Конрада (1891—1970), 100-летие со дня рождения которого широко отмечено научной общественностью нашей страны, его выдающиеся достижения в области изучения филологии, истории, культуры и этнографии народов Восточной Азии, в первую очередь Японии, Китая и Кореи; его оригинальные, гуманистические по своей сути исследования по глобальной проблеме, обозначенной им как «Запад — Восток»; его вклад в развитие теории и истории культуры — блестящие страницы нашей науки.

Н. И. Конрад родился в Риге 13 марта 1891 г. в семье железнодорожного служащего. В 1908 г. после окончания Рижской гимназии он поступил в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета. В 1909 г. Н. И. Конрад стал также слушателем Практической восточной академии¹, где занимался японским языком. В 1912 г. по окончании университета и Практической восточной академии² он был на год командирован в Японию. По возвращении из Японии в 1913 г. Н. И. Конрад опубликовал первую научную работу, посвященную японской начальной школе; в том же году в Киеве началась и его педагогическая деятельность. В Киевском коммерческом институте он читал лекции по китайскому и японскому языкам, а также по этнографии народов Дальнего Востока. В 1914 г. Н. И. Конрад вернулся в Петербург и начал подготовку к профессорскому званию при университете. В том же году он был командирован в Японию, где пробыл до 1917 г., в эти же годы он выезжал в Корею. Вернувшись в Петроград в 1917 г., Н. И. Конрад сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской филологии. В 1919 г. он уезжает в Орел, где читает лекции по истории культуры и истории философии в Государственном университете. С 1920 по 1922 г. Н. И. Конрад — ректор Орловского университета. В 1922 г., возвратившись в Петроград, он начинает преподавать в университете, а затем, также в 20-х годах, создает и возглавляет кафедру японского языка и литературы в Восточном институте в Ленинграде. В 1926 г. Н. И. Конрад получил звание профессора; с 1931 г. он научный сотрудник Института востоковедения АН СССР; в 1934 г. ему присуждена ученая степень доктора филологических наук. В том же году он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Появляются многочисленные публикации, исследования Н. И. Конрада по литературе, истории, языку и театру Японии, его переводы современной и классической японской литературы³.

В сентябре 1938 г. Н. И. Конрад был арестован и вслед за этим исключен из состава сотрудников Института востоковедения АН СССР⁴. Освобожден Н. И. Конрад был в 1943 г. ...